

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Вторник, 13 декабря 1988 г. № 149 (6561)

Газета Центрального Комитета КПСС

ЦЕНА 6 КОП.

Интервью М. С. Горбачева

корреспондентам Центрального телевидения и телевидения Армении

Перед отлетом из Еревана Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета ССР М. С. Горбачев дал интервью корреспондентам Центрального телевидения и телевидения Армении.

Вопрос: Михаил Сергеевич, что Вынесли из поездки по районам бедствия?

М. С. Горбачев: Тяжелая беда... Просто — трагедия. Столько и увидел людей в беде, потерявших близких, целые семьи. Меня все, что я увидел за эти дни для меня, просто потрясло.

«Человеческое это вынести трудно, просто невозможно. И я еще раз хочу сказать от имени руководства от себя, от всего нашего народа: спасибо! Всем кто пришел сюда, чтобы помочь, все ресурсы, есть есть. Сейчас решающее значение будет иметь организация дела. Надо прежде всего помочь быстрее разобрать эти завалы, где еще много людей живых. Ведь нааждый день оттуда людей обожают. Я с некоторыми из них встречался. Поэтому первая задача, которая поставлена, первое, что делается — это спаси еще живых людей. Тех, кто погиб, тоже надо подчеркнуть поднять. Конечно, людям интересовала дальнейшая судьба городов. Этот вопрос обсуждался и рассматривался. Конечно, мы должны возродить эти города. И это я от имени руководства страны уже сказал людям во всех городах, чтобы они знали. Это их древняя земля, здесь корни, здесь жили все поколения. И нам понятно, что люди должны были получить на это ответ. Кстати, Н. И. Рыжков привлекла сюда два дня назад представителей всех республик, и они взялись, причем это их предложение, за два года все восстановить. И города, и поселки, и предприятия — они ведь тоже разрушены. Все восстановить с тем, чтобы люди могли снова вернуться к нормальной жизни.

Сейчас все вступило уже в деловую fazу. Работают день и ночь. Восстановливается энергоснабжение, подводятся воды обогреть те дома, которые остались. Сейчас завезено на 300 тысяч населения пакетов утеплителей, чтобы разместить пока людей. Конечно, особенно надо позаботиться о детях, о женщинах. Поэтому здесь, в Армении, в Грузии, на Ставрополье, на Кубани, десятки тысяч пакетов в пакетах, в салатиках высыплены сейчас, и их ждут там. И уже сейчас начали из Ленинакана и Спитака отправлять. Они едут классами с учительами, с матерями. Там, где надо, — помочь, чтобы спасти ребят.

Вопрос: Я думаю, Михаил Сергеевич, что нужно, чтобы помощь эта широкая река помочь как-то тонущим ручейкам размытым и вымытым здесь им делали операции, спасали жизни. И теперь я вижу всю страну, с такой глубокой сердечностью, с такой искренностью отклинувшись на такую нашу общую беду. В испытания гордость за всех наших людей. Значит, как много в наших народах заключе-

Борис КУНЯЕВ
ЭПОХА

Может быть, и не плохо наше пишется повесть.
Умирает эпоха,
Народится совет.

Больше стало дверей,
За герилью вся грудью.
Вырываются звери.
Проявляются люди.

Сколько грязи скопилось,
Расчищаем все смяло.
Значит, чувствуешь силу.
Значит, делаем дело!

СЕГОДНЯ
В НОМЕРЕ:

О встрече ученых-экономистов Советского Союза и Японии и своих взглядах на некоторые проблемы экономики рассказывают нашему корреспонденту заместителю главного редактора журнала «Коммунист» О. Р. Лацис.

3 страница

«ПАГАРТ»: РАСЧЕТ И РИСК — корреспонденция об опыте работы Польского артистического агентства.

4 страница

«ЭКРАН»

Международный «круглый стол» «СИз: «Смотрят ли наши фильмы за рубежом» — ретроспективный показ 50 советских фильмов в Торонто вызвал наши отношения с западными экранами на какой-то новый уровень. Наши ленты смотрели

5-6

страницы

но, какой огромной моральной силой они располагают!

Я должен сказать, что комиссия под руководством Н. И. Рыжкова, с участием Н. Н. Слюнова, Д. Т. Языка, трех заместителей товарища Рыжкова, с участием руководства республикой Армении проделала уже большую работу, дороги все открыты. Теперь пошла техника, вся помощь, все ресурсы, есть есть. Сейчас продовольствие есть, водой обеспечены. Платформы. Медицинская помощь продолжает оказываться.

Я должен сказать, может быть, наиболее умело действовали медики в голове с министром Чазовым. Ставившие все больше организованности. Закрыли эти районы, потому что народу много, и по понятным причинам. Близко оттуда людей обожают. Я с некоторыми из них встречался. Поэтому первая задача, которая поставлена, первое, что делается — это спаси еще живых людей. Тех, кто погиб, тоже надо подчеркнуть поднять. Конечно, людям интересовала дальнейшая судьба городов. Этот вопрос обсуждался и рассматривался. Конечно, мы должны возродить эти города. И это я от имени руководства страны уже сказал людям во всех городах, чтобы они знали. Это их древняя земля, здесь корни, здесь жили все поколения. И нам понятно, что люди должны были получить на это ответ. Кстати, Н. И. Рыжков привлекла сюда два дня назад представителей всех республик, и они взялись, причем это их предложение, за два года все восстановить. И города, и поселки, и предприятия — они ведь тоже разрушены. Все восстановить с тем, чтобы люди могли снова вернуться к нормальной жизни.

Конечно, что уже не вернуть — это потерянные жизни людей. Очень жаль, жаль людей. Но в час испытаний я застал армянский народ мужественным. И плач, и слезы, и требования — все это не снимало того, что мы видели: как люди самоотверженны, неизъясняемы ни на что, не ожидая, пока все организуется, как надо, действуют, используют все, чем располагают, чтобы прийти на помощь.

(Окончание на 2-й стр.).

Трагические события, произошедшие в среду в Армении, разом отодвинули на второй план все текущие проблемы. В конце недели в редакции не смолкли телефоны. Как свою собственную беду восприняли горе братского народа все люди нашей страны. Обращались в редакцию, они выражали самое искреннее сочувствие пострадавшим. Предлагали немедленную помощь: кровь, деньги, вещи, продукты. Справились, куда нужно обратиться, чтобы срочно вылететь в район бедствия. Просили нас подробнее информировать читателей о том, как идет ликвидация последствий землетрясения. Эти первые отклики мы опубликовали в нашем субботнем номере. В Армению срочно вылетел наш фотокорреспондент Валерий Киселев, прервал свой отпуск и возвратился в Ереван напротив своего корреспондента Ноиси Фердиняна. Так что наши читатели будут получать самую полную информацию из Армении.

А что же принесла нам на прошлой неделе почта? Нередко бывает так, что отклики на публикацию приходят не сразу, а спустя две недели. Как правило, это наиболее интересные письма — в них содержатся не только эмоции, но и глубине размышления. Так случилось и со статьей В. Кардина «Сможет ли серебряного разговора» (19 ноября). И это понятно, ведь речь в публикации идет о жизни и смерти. Письма очень тепло сказанные между собой, поэтому попытаюсь представить их в виде диалога авторов.

К. Рогоза (Ярославль): «Мы требуем обеспечить нам безопасность. Дайте нам возможность спокойно отдохнуть летом, не боясь нападения подонков. Уехать в отпуск, не опасаясь, что квартиру могут ограбить. Дайте нам возможность не сидеть в страхе у окна, домысливая о ребенке с улицы. Смертная казнь не потому не имеет эффекта, что вызывает ответное зло, а потому, что ее почти не применяют». Т. Торгаги (Караганда): «Разве смерть — это самое

страшное для человека? Назначение заменяет ему муки совести. А вот вы попробуйте разбудить в преступнике совесть. Тогда он, может, сам захочет жить. Или он сам захочет изматывать свой поступок добрыми делами».

Л. Вячеславов (Ленинград): «Хорошо, представим себе, что отменили смертную казнь. И что? Чем ее заменить? Естественно, изоляцией преступника от общества. Но она не спрашивала, использовали все, чем располагали, чтобы прийти на помощь».

Ф. Чегодаевой из Коми АССР: «Я культработник с высшим образованием, большим стажем и опытом. Но вот скоро на пенсию, и что я имею? Зарплата — 138 рублей. На сберегательне 179 рублей 59 копеек. Квартира? Правда, дают малогабаритную на двоих с сыном. Что и говорить... Вот я думала не погиб ли мне в электрики, благо — приглашают и «ночничка» есть. Будут получать хорошие деньги, квартиральные, премиальные, «тридцатую» зарплату, всевозмож-

на видном месте «копилки» с названием фондов и тогда любой желающий мог бы опустить туда свой рубль, трешку или мелочь».

Предложение не новое, однако как же медленно развивается наша борократическая машина! А между тем фонд «братья наших меньшин» только одно лето получила более 28 тысяч рублей, установив такие копилки в Московском зоопарке. А какой доход еще привнес продажа марок, календарей, книг о животных! Каузалось бы, подхватить надо другим фондам, но разве можно без очередей, бумаги?

Из писем по искусству, к сожалению, опять процитировать нечего. Такое впечатление, что все они написаны одной рукой: «на эстраде выступают черти знает в чем: мужчины лохматые, с носами, колготках», «недемедлено прекратить», «категорически запретить» и т. д. Накал страсти столь высок, что хочется успокоить читателей, сказать: вспомните, как десять лет назад яростные борьбы с консервативно-инструментальными ансамблями. А ведь сегодня эти аккуратные детишек, в одинаковых костюмчиках парни с гитарами в руках кажутся просто паниками. И непонятно, что же такого опасного видели в них?

В заключение мне хочется привести одно письмо: «Я знаю, как сделать, чтобы через десять — пятнадцать лет наше общество состояло из идеальных людей. Надо просто изменить Устав ВЛКСМ. И первым пунктом записать: «Комсомолец не пьет вина и не курит табак. Он внимателен к младшим, уважает старших, чтит отца и мать». И через несколько лет у нас будет высокоразвитое поколение».

Ах, если бы все наши проблемы можно было решить «изменением устава»! Увы, жизнь общества сложна, и чтобы вернуть ее к лучшему, нужны умные за- прещения — силы, умы, души — каждого из нас.

Н. РУСАКОВА.

● Спасательные работы в городе Спитаке. Телефото А. Чумичева и М. Шахбазяна. [ТАСС].

ОБРАЗОВАНЫ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ КОМИССИИ

Секретариат Союза дизайнеров СССР постановлением от 8 декабря 1988 года на основании статьи 28 Закона ССР «О выборах народных депутатов СССР» образовал избирательную комиссию по выборам народных депутатов СССР от Союза дизайнеров СССР в составе: Аксентьев В. Л., Аджанашвили Г. М., Дулов В. Н., Нарху А. А., Кучинская Л.-А. А., Лапина Е. Г., Лизонов А. А., Муратов К. К., Соколовская Е. Н.

На состоявшемся заседании избирательной комиссии по выборам народных депутатов ССР от Союза дизайнеров ССР председателем комиссии избран Нарху А. А., заместителем председателя — Аджанашвили Г. М., секретарем комиссии — Соколовская Е. Н.

Избирательная комиссия располагается в помещении Союза дизайнеров ССР по адресу: Москва, В. Кисельный пер., д. 5.

ЕСТЬ МНЕНИЕ!

О помощи Армении

Карен Багдасаров, член Союза дизайнеров ССР, Москва:

— Трагедия армянского народа стала трагедией горем всех людей. Донорская кровь, одежду, деньги, техника с первых же дней стала направляться в районы бедствия. В самые первые дни все это было остро необходимо. Многое нехватает там и сейчас. Но есть, народные, вещи, которых у нас достаточно. Чтобы не получилось хаоса, большого избытка одних вещей и недостатка других, есть предложение: периодически в прессе информировать, в чем не сегодняшний день есть острая необходимость, какого характера помощь и какие товары (в каком количестве и в каком сроку) посыпать и в чем уже отпадла надобность.

Информацию, запросы, переведенные из Армении (через Арменипресс) в Москву — в ТАСС, в Детский фонд, в Фонд мира, Минздрав ССР, пострадавшие Армении в Москве, оперативно публиковать в центральной прессе. Самое важное — во всех центральных газетах, осталось — в зависимости от профиля издания (например, от необходимости техники строительных, транспортных средств — в «Труде», «Строительной газете», «Гудоке», «Дорожных отрядах» — в «Комсомольской правде», «Советском спорте» и т. д.). Аналогичную информацию можно сообщить по ЦТ, удалить этому 2–3 минуты в программе «Время».

ОТ РЕДАКЦИИ

Много звонков в рубрику с просьбой дать телефоны и адреса, куда можно обратиться с предложением конкретной помощи пострадавшим в Армении.

Штаб исполнкома Моссовета: 229-08-80, 924-33-14.

Штаб при МГК ВЛКСМ: 204-84-42.

Штаб при Московском городском комитете по народному образованию: 291-33-03.

Штаб «Милосердия» при редакции еженедельника «Собеседник»: 285-76-54.

О словаре перестройки

Л. Теленков, Киев:

— Может, кто-то и обвинит нас в том, что мы вчера писали: «на этом вечере памяти Александра Косарева, не назовешь». Понимаю возмущение Марии Бикторовны Косаревой, других ветеранов: подлинные русские интеллигенты дико слышать этот бред. Согласен с автором и в отношении комсомольских работников и пропагандистов. Если они ничего не смогли сделать на этом вечере, значит, просто-напросто не компетентны.

Досадно, что в таком важном материале допущена ошибочка — в написании фамилии А. Косарева.

По рубрике «Дружили ли...» А. Гаспарян, М. Симонова.

Тел. 285-77-42 (с 11 до 16 часов).

От ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР

11 декабря при подходе к аэропорту г. Ленинакан (Армения ССР) потерпел катастрофу военно-транспортный самолет ИЛ-76. Погибли 9 членов экипажа и 69 военнослужащих, направлявшихся в Ленинакан для участия в ликвидации последствий землетрясения.

С чувством скорби и сострадания выражаем глубокое сожаление родным и близким погибших, которые спешно прибыли на помощь братскому армянскому народу и заслужи-

ли вечную благодарность советских людей.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПРЕЗИДИУМ КОМИТЕТ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР СССР

ГОДЫ, ЛИЧНОСТЬ, СУДЬБА

РУКА потянулась к привычному: написать рецензию.

Передо мной несущаяся, умная книга, плод многолетней наблюдений и живой мысли, не рассюхой, не уставший в неустой и борющихся полувека, не поддающийся скептицизму, мысли, заинесящиеся не получать, а увлечь, захватить действительностью бытого. Даже если актер ушел из нас, дальше диктует тому наезд, а кинематограф не запечатлен его, он, наш современник, в чём-то так же далек, как и танцоры для молодых, как и великие Шелли, Монаков или Стропетова. Но если кинообъекты и успех сохраняют что-то отрывочное и случайное, обведенное движущимися по плоскости фильмам не передает и половины жизненной полноты, маничащих красок, интонационного богатства, находящий великих тайн выдвинувшихся сценических созданий. Передать все или почти все под силу слову, особому, редкому слову, а людям, владеющим им, скрепено, обескураживающими мало.

В книге, о которой мне захотелось написать рецензию, проходит через людей русского театра начала и середины XX века: Вахтангов, которого мне припоминается увидеть ликовы, в след за Вахтанговым те, чьи голоса и сценические образы близко, хорошо знакомы, так что порой страницы книги кажутся и твоей ожившей памяти, называвшимися из глубины времени волнением, возвратившимися в тебе духовным богатством. Крайинский, разиньшист и такой непредсказуемый во всем Алексей Дикий; Андрей Любовь, создавший театр, который долгие годы решительно лучше всех других театров понимал современность и выражал ее в формах, близких самой современности; Рубен Симонов, Михаил Астанов — познавшийный друг и собеседник автора, Лев Свердлик, Ольга Полякова, Эраст Гарин...

Почему бы и не написать рецензию? Почему что-то упрямое воспринимается этому именно сегодня, в лихорадочно обновляющейся жизни, в кипении гражданская страсти?

Рецензия канет. Сегоднишняя рецензия затеряется — клоном вчерашней газеты. И это не беда — таєславие театрального критика о фольклоре, скучные радости быстро склонят, придет успокаивающая мысль: когда-нибудь и этот «клон» понадобится, что-то объяснят, помогут кому-то сложить мозгового.

Но недобро обижено другого: не хотят ли они вспомнить о том, как многое изменилось? Не уходят ли они в память забвения, не сделали своей направлением работы? И траурные, временные, не скрою, раздраженная мысль обращается в судьбу не отдельной книги, в личности, в судьбе театрального писателя, Мастера, с такой гордой и завидной уверенностью исполненного пред назначение жизни. Нынешние наши дни — время благодатальной концентрации гражданская страсти вокруг главных проблем, общественных вопросов, книг и журналов, по мне, литератор, угнетенный тем, что среди споров о романах Вас. Гроссмана или В. Дудинцева незамеченными другим и собеседники автора, Лев Свердлик, Ольга Полякова, Эраст Гарин...

Почему бы и не написать рецензию? Почему что-то упрямое воспринимается этому именно сегодня, в лихорадочно обновляющейся жизни, в кипении гражданская страсти?

Рецензия канет. Сегоднишняя рецензия затеряется — клоном вчерашней газеты. И это не беда — таєславие театрального критика о фольклоре, скучные радости быстро склонят, придет успокаивающая мысль: когда-нибудь и этот «клон» понадобится, что-то объяснят, помогут кому-то сложить мозгового.

Напоминать новым поколению...

Не обольщайтесь ли автор! Не по старинке ли он мыслит, воображая идеалистическую картину: седовласого учителя и почтительно внимавшую ему неофитов? Не разбрелись ли они безнадежно, ученики восхищеными, не слишком ли они суеверины, преградившие пути, чтобы третий раз на летописи былого? Читая статьи, интересные лучшим нашим режиссерам — посланные по времени было интересно: «Фестиваль» в «Известиях», — я, при этом, доброе слово: «молодые»; с талантливой антской статьей смысла улавливая и жесткую трагогу: убывает одержимость Театром, но только родным коллективом или своей антской карьерой, точнее художественной судьбы, в высочайшим, требующим всего человека, всей его личности признанием Театра, его духовной единственности. Как увлечь молодых книг, о которой не кричит экран телевидения, не спорят до посинения критики и даже специальная печать словно бы недосуг о ней заговорить? Книга, которая нужна, как дорога, шагами ли мы спокойно или бежим надрывно, — даже и воспарившему к облакам она в свой час понадобится непременно.

Однакожа я уже писал о том, как многое значили для читателей тридцатых годов статьи А. Мацинина, его независимая мысль и особый, радостный дар аналитика, всегда тем не менее остававшегося верным земному драме жизни. Обращаясь к одному лицу примеру: во второй половине тридцатых годов наш театр широко распахнул двери письменности. Пристили, Ник Бреят, Ни Де Филиппо вспоминали не вызыгали столь повального увлечения. Увлечение отнюдь не предсудительное, пусть мода, но не дурная, со слабостью и промахами, со свойствами всякой моды. Статья А. Мацинина в журнале «Театр» начинана ошеломила: это было не намеренное развенчание кумира, а трезвый и скорее сопутствующий, но прежде всего трезвый художественный и социальный анализ драматургии Пристили, не изгнание его с русской сцены, а помощь режиссуре актерам в истолковании пьес английского драматурга.

Александр Мацинин начал многое раньше, в середине двадцатых годов, — обратился к тридцатым, когда личность критики вполне сложилась, в его независимость от группы и направлений, независимость от официоза, сегодня даже трудно объяснимая самостоятельность оценки снискавшая ему высокие авторитеты у людей театра.

Но театральному критику позволяло сумевший в сотнях напечатанных за жизнь рецензий: пуб-

лику их, он как бы наследует историю из себя спектакли и пьесы, и собственные предыдущие спектакли. Сложные повинности не своем веку неутомимые, славные хроникары сцены, от патриарха этого цеха Всеволода Чагова, театрального критика киевской мысли, от Гедзинского-старшего, неутомимого одесского театра, до безвестных ревизионистов, анонимных театральной летописи Николая А. Суторин, издатель «Литового архива», собравший под роскошный, одетый в дорогую рогожку переплет все свои рецензии на гастрольные спектакли украинской группы в Петербурге конца прошлого века, напечатанные на маловажной бумаге по одну сторону страницы, но это не сделало ворога его рецензий книжной.

Ожесточенный разгром литературы и искусства в первые же послевоенные годы, преследование высокой поэзии, честной, праздной прозы, пьес и спектаклей, кинофильмов и творчества талантливейших композиторов обернувшись всасыва-

УБЕРЕЧЬ ОТ ЗАБВЕНИЯ

Рассказ о неписанной рецензии

кий раз и разгромом критики: если по сталинской табели о рангах критики только окологоточный надзиратель, в то и дворник с метлой, то кому же и отвечать за непорядок, как не ему. А январь 1949 года ознаменовался еще и бенефисом критики, погромом критиков-антипартийцев, или, иначе — «безраздельных космополитов». Но как ни жестоко предусмотрил генеральный репрессия, ресурс здорово жизни, ее внутренние творческие богатства незамерзмом сильнее — подвергнутые острожажи и погони, неизменно становятся все прозрениями чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, открытиями которых в прошлом безднам, — не тех, кто готов в ребристом, недобром усердии новых и новых поднимать над головой бессмыслицы, черный штандарт сталинизма, в тех, кому по наружности или незрельности показалось, что посыгают на из прошлого, там важнее становится все проявления чести, мужества, неутомимого таланта. Я помню многих людей, от

ЭКРАН

СКОРО НА ЭКРАНАХ

«Восхождение на Фудзияму»

Восхождение и заскок, восхождение солнца и заскок дня. Восхождение к высотам драмы и единения и заскок в горький истину и профенцию. А может быть, не заскок, а как раз восхождение к истине! Потому что какой бы горькой она ни была — это правда о бывших школьных друзьях и о том трагическом в их жизни, жизни страны, что из концовки разъединило. И наступает ясность. А ясность — это точка, с которой можно начать новый счет драм...

Да, как ни был драматичен финал этого «восхождения» на гору юности, есть оптимизация и в трагедии. Мы видим тех, кто останется по ту сторону пути, но и тех, кто может пойти дальше, очищенный показанием. Вот так именно, киргизским «Покаянием», назвал свою новую ленту «Восхождение на Фудзияму» режиссер Болот Шамшиев, которого зритель хорошо знает по картинам «Альб маки Иссык-Куль», «Выстрел на перевале Каракаш, белый пароход», «Ганнике журналистика», «Волчья амва»...

Б. Шамшиев — из славной компании «Знания», первой большой игровой картины, с которой киргизское кино вышло на всеобщий и мировой экраны. Он там был актером, исполнителем главной роли, в сам учились тогда на режиссерском факультете во ВГИКе. Потом пришли свои работы: сначала документальные, потом художественные...

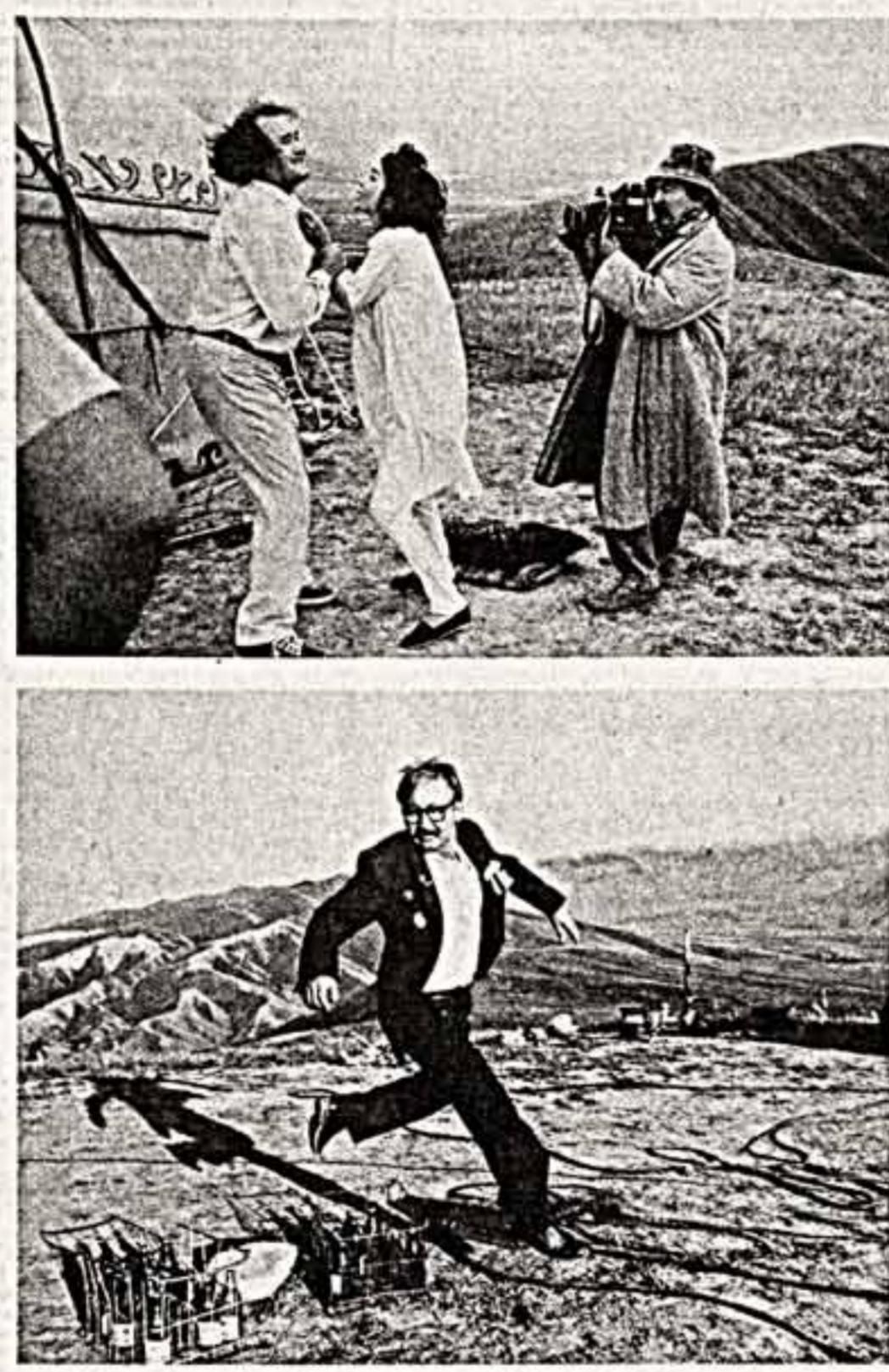
В фильме занято много прекрасных киргизских актеров — Г. Адильбекова, К. Султаналиев, А. Тимирова, О. Кутманалиев и другие. Но на первое место хотелись бы поставить выдающихся мастеров кино и театра Сабуру Кумушалиева, которая роли старой учительницы Айшапа рисует сдержанно-трогательный образ. Образ советки

Фильм, уже сдублированный скоро выходит на экраны страны.

Б. ИВАНОВА.

• Рабочий момент. Режиссер Б. Шамшиев в актеры А. Тимирова, Р. Сейбетов, Мажит — Т. Токтобеков.

Фото И. Гневашева.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ КОНКУРСА

Кинематограф — не женское дело?..

— Вначале нам никто не очень интересовался, а фильм мало кто видел, — рассказывает Елена Смолова, режиссер творческого объединения «Экран», чье телевизионная документальная лента «Вид из окошка» получила один из пяти главных призов имени Лилии Гиц на выставке международного фестиваля «Кинематограф в кино» в Лос-Анджелесе. — Но затем, когда он был отмечен зиором, что, признается, стала для меня необходимостью, журналисты начали настойчиво просить показать им картину.

Многие, вероятно, видели этот фильм по ЦТ и помнят его героянику Любовь Михайловну Майкову, 88-летнюю русскую крестьянку, — личность цельную, самостоятельную, своеобразную, с истинно народным характером: никакой работы не боится, все может, все умеет, сама себя обслуживает, да еще и соседям помогает — в их всего несколько стариков в маленькой волостной деревне Селищи и осталось: Елизавета Майкова прошла в трудах и заботах, вроде бы доказав свой век спокойно. Но талант, как и любви, все взрослые покорны, и она, взависившая кисть в руки в 80 лет, оказывается прирожденным художником — с передаваемым чувством шелеста, индивидуальной живописной манерой, главное, со своим видением мира. Камера неизменно, неизменно показывает процесс рождения новой картины с удивительными по

искренностью, сочностью и лукавству, рассуждениями Любови Михайловны о жизни. Фильм «Вид из окошка» трогательный и эмоциональный, такого не отрепетировано заранее, тут нужны чуткое сердце и высокий профессионализм. Вероятно, эти качества ленты и покорили членов жюри фестиваля «Кинематографисты в кино»...

На этот прозрачный розовый цветок, не то волна — так выглядят призы, впервые полученные советскими женщинами-кинематографистками на этом шестидесятилетнем юбилей. Пятьсот, чтобы сказать, что каждый фильм Недели найдет своего зрителя.

И действительно, ленты, включенные в программу кинопоказа, рассчитаны на любых зрителей: от детей до взрослых, от женщин до мужчин, от стариков до молодежи, от людей с ограниченными возможностями здоровья до здоровых, от тех, кто любит кинематограф, до тех, кто не любит.

Считается, что кинорежиссер — работа не женская: нужны стальные нервы, железное здоровье, твердый характер, воля, выдержка, выносливость — качества, присущие только мужчинам. Но такие радикальные исключения все-таки существуют: то, желая показать фильм, созданный представительницей, в израильский грузинский режиссер Леван Гогоберидзе избрана президентом.

Всесоюзная ассоциация женщин-кинематографистов создана у нас, несмотря на некоторое смятение в рядах коллектива, прекрасного пола, почему-то привыкли употреблять выражение типа: «здесь господствует мужской взгляд или «видят мужские руки».

«Киноэтика» — кинематографисты обединились для того, чтобы поддерживать друг друга, совместно решать творческие проблемы, делиться опытом, совершенствовать свое мастерство и профессионализм. Ведь в конце концов понять женщину лучше всего может только женщина. И доказательство тому — высшая награда в Лос-Анджелесе сценаристу Оксане Дауринченко и режиссеру Елене Смоловой за фильм «Вид из окошка».

К. ПУЛЬСОН.

МАСТЕРА

Твой современник

Иногда Раизмана упрекали в том, что он всю жизнь чуралась больших, монументальных, общественно беских полотен, что тематика его картин всегда была камерна, сужена, замешана на «Мелком мирке» — писалось о многом, что не осуществлялось. Но это было совершенной неправдой, как, кстати, в неточном является утверждение, что кинематографисты «застояи» лет в основном только и делали, что на кручинили всем миром флагманские фильмы, одаряя начальство венками и мадригалами.

Вздох Спора нет, существовало и такое. Но даже в самые трудные времена у нас рождались тонаико, мудрое кино, занятное подлинными проблемами жизни.

Одним из явлений подлинного искусства тех лет был кинематограф Раизмана. Легко быть смелым, когда это приветствуется всем миром. А когда на каждом шагу резкий окрик «не забудь!» Да, у Раизмана не лежала на полке ни одна картина, и жизнь его внешне складывалась благополучно. Но сколько было неосуществленных замыслов, идей, сюжетов! Кто ответил за этот

нереализованный творческий потенциал? Ведь перед режиссером все время маячили запретный знак. И каждый раз Раизман обходил его. Как это получалось? Были ли его ленты действительно настолько общественно сужены, настолько упрятаны в лирические защитные ткани, что не вспыхнули цензорских опасений? Напротив, вспыхнули. Еще как! Но стилистика, внутренняя сущность, творческий почерк режиссера заключались в том, что каждый раз общественное возникало на экране не впрямую, не в виде открытых «заяв» или «против», а в контексте человека — его малостей, бед, страстей, ошибок, повседневной жизни. Чрез все это, прыщавое, ясное, ясное, безобидное, что не заслуживало цензорского взгляда, не вспыхнуло подозрений. Раизман был первым, кто противостоял массовому политическому кино внутренний мир человеческой личности таким образом как глубокий анализ происходящего.

Помню фильм «А если это любовь?». История любви школьницы и лыжника — любви, преследуемой взрослыми. Лирика? Да. Но только с виду. А в сути своей отчаянный крик против всего лицемерного, фальшиво добродетельного. Не раскрылась ли эта скромная лента сущности того, что было едва ли не доминантой общественных отношений в течение многих и многих лет, — тиши да глядь на поверхность, а внутри душевные взрывы в бурь? Не стала ли эта скромная история явлением политического искусства, лишенного, однако, поэзии, деклараций? Политическое кино Раизмана?

Или «Твой современник». Фильм о хозяйственном руководителе, осознавшем порочность проекта огромного строительства, когда дело уже шло полным ходом и были затрачены огромные силы и средства, когда пристановка и пересмотр всей технологической основы грозили не только огромными трудностями, но и отчаянными бедами самому герою?

Раизман делал эту картину в те годы, когда никто не мог предвидеть решения XXVII съезда партии, и все-таки предлагал в фильме образ политического деятеля эпохи перестройки,

КЛУБ КИНОЗРИТЕЛЕЙ

Больше, больше, больше...

В последние времена на экраны кинотеатров выпускаются кинофильмы большого метража, в особенности это касается зарубежных картин «Сальвадор», «Полет над гнездом кукушки», «Амадей», «Карто-приключения» и многие другие. Все они, как ни странно, в двух сериях. А ведь у себя на родине — дополнение известно — эти фильмы не делятся на серии. Я пытался во время просмотров установить, где происходит это разделение. Не смог. Только в фильме И. Бергмана «Фанни и Александра», экранное время которого три часа пять минут (!), указывается: «Фильм первый, Фильм второй». Слышал, что в нашей стране прокатная норма фильма по времени один час сорок минут, и если он длиннее указанного метража, то его непременно прокрутят пополам. Можно понять: картина делится на серии в том случае, когда часть (серия) имеет вполне законченный сюжет, но с дальнейшим продолжением; например, первая серия фильма-трилогии «Возвращение по музам, «Бойня и мир», «Освобождение» и т. д.

Вот новая лента Киностудии им. М. Горького «Маленькая Верса». Картина идет на одном дыхании, что называется, в темпе, без каких-либо пауз, единий сюжет, а на рекламах кинотеатров (споты-таки): «в двух сериях». Фильм демонстрируется чуть более двух часов. Естественно, стоимость билетов получается двойной.

Теперь я не пыси, но желаю увидеть этот фильм не пропустив.

Наконец, найдя в афише «три для Виктора Черняшева в кинотеатре «Куинс-вэл» (на сеансах 19 и 21 ч.), сразу перехожу в центр, предвкушая радость исполнения многоголосого ожидания.

Возникла мысль: кинотеатры и кинопрокат, по-видимому, по финансовым соображениям, удлиняют метраж — например, или нет, — тоже взялись за «вымывание» существующих цен на билеты. Госкино следовало бы навести порядок и установить контроль за искусственным ценобразованием в системе кинопроката.

Ю. МЯКИШЕВ.

ДЕТЬЯМ до 16-ти?

Хотелось бы знать, предполагается ли в ближайшем будущем пересмотреть превыше посещения кинотеатров? Дело в том, что недавно мы с мужем и ребенком решили посмотреть в кинотеатре «Канон» фильм «Анжелик в гнезде» (сеанс 19), который детям до 16 лет смотреть запрещается.

Таких семей, как наша, у которых дети несовершеннолетние, а также взрослые, как папы и мамы, не знающие, какими были билеты. Госкино следовало бы навести порядок, а в 19 часах стадо поддаться народу, и, если бы фильм демонстрировался в то время, какое было указано на складной афише, зрители собрались бы. Но те, кто пришел к 18 часам, билеты уже сдали, а тем, кто подходил к 19, билеты не продавались.

Пришлося уехать мне солено бледневши. Очень жаль. В связи с этим у меня два вопроса:

Имеет ли право администрация кинотеатра изменять времена сеансов?

Сколько должно быть продано билетов, чтобы сеанс состоялся?

Если можно, внесите внос.

Н. ПРОКОФЬЕВА.

МОСКВА.

неприглядную правду о нас. И большое им за это спасибо. Об этом фильме можно говорить долго, но и не о нем, а о воспитании наших детей.

Разве не полезнее было бы фильмами, не рекомендованными смотреть детям одинаки, с определенного родителями, возможность смотреть вместе с ними, чтобы после просмотра можно было обсудить ленту вместе и правильно расставить все акценты?

И еще. Было бы увлекательнее и достойнее, скажем, в «Спутнике кинозрителя», «Советском экране» или рекламе на кинотеатре давать советы и рекомендации перед просмотром, а не запрещать или купировать фильмы, заведомо опасные. А СИНЕЛЬНИКОВА, МОСКВА.

ПРИШЛОСЬ УЕХАТЬ

Много лет пытаюсь посмотреть кинофильм «Три для Виктора Черняшева», который не шел широким экраном, и поэтому человеку работающему уследить за рекламой было трудно.

Теперь я не пыси, но желаю увидеть этот фильм не пропустив.

Наконец, найдя в афише «три для Виктора Черняшева в кинотеатре «Куинс-вэл» (на сеансах 19 и 21 ч.), сразу перехожу в центр, предвкушая радость исполнения многоголосого ожидания.

К сожалению, администрация кинотеатра сначала изменила время демонстрации фильма, перенеся его на 18 и 20.30. А потом не нашла ничего лучшего, как отменить сеансы вообще: якобы очень мало было куплено билетов.

Сотрудники закрыли зал, проходные билеты попросили сдать; а в 19 часах стадо поддаться народу, и, если бы фильм демонстрировался в то время, какое было указано на складной афише, зрители собрались бы.

Но те, кто пришел к 18 часам, билеты уже сдали, а тем, кто подходил к 19, билеты не продавались.

Пришлося уехать мне солено бледневши. Очень жаль. В связи с этим у меня два вопроса:

Имеет ли право администрация кинотеатра изменять времена сеансов?

Сколько должно быть продано билетов, чтобы сеанс состоялся?

Если можно, внесите внос.

Н. ПРОКОФЬЕВА.

МОСКВА.

ГОРОД ЖДЕТ

Года не бывает, чтобы в Угличе не снимали какой-либо фильм, документальный или игровой. Кинематографисты нашей страны (да и не только нашей) привлекают своеобразную администрацию, что достаточно взрослые именно для этого фильма, и все оказывается щедрым. (Следование бы поощряло таких работников за усердие).

Вот кинематографисты, с которым не скрывают, что форму подсказали им телеведущие «Программа перестройки», Лента самодельных кинолюбителей во многом помогла художественным, руководителям, разобраться в сложившейся ситуации.

— В нашей киностудии, — сказал бессменный ее руководитель Н. Груба, — уже давно не снимали никакой-либо фильм, документальный или игровой. Кинематографисты нашей страны (да и не только нашей) привлекают своеобразную администрацию, что достаточно взрослые именно для этого фильма, и все оказывается щедрым. (Следование бы поощряло таких работников за усердие).

— В наше время, — сказал Н. Груба, — уже давно склоняется на «областных или республиканских» генеральчиков. Специально к плану и сессии райсовета его сняли члены народной самодеятельной студии «Экран» районного Дома культуры. В новой работе взялись кинематографисты-любители на трудах и жизни земляков — критический и пронзительный.

Самые известные кинематографисты — критический и пронзительный. Кто скрывает, что форму подсказали им телеведущие «Программа перестройки», Лента самодельных кинолюбителей во многом помогла художественным, руководителям, разобраться в сложившейся ситуации.

— В наше время, — сказал бессменный ее руководитель Н. Груба, — уже давно склоняется на «областных или республиканских» генеральчиков. Специально к плану и сессии райсовета его сняли члены народной самодеятельной студии «Экран» районного Дома культуры. В новой работе взялись кинематографисты-любители на трудах и жизни земляков — критический и пронзительный.

— А. Н. МЕДВЕДЕВ, первый заместитель председателя Госкино СССР.

стфонных уделевших сценариях этого п

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
«КРУГЛЫЙ СТОЛ» «СК»ЭКРАН
СМОТРЯТ ЛИ НАШИ ФИЛЬМЫ ЗА РУБЕЖОМ?

Ретроспективный показ 50 советских фильмов в Торонто вызвал наши отношения с западным зрителем на какой-то новый виток. Наши ленты смотрели! НоNone из них танцуются многосторонними очередями. Не могу сказать, что имея на наших мастеров были у всех на устах, но вопрос: вы видели русские фильмы? — был у всех в каждом случае.

Сказался эффект творческого «вторжения»: «русские идут!». Но отдельный случайный залечник изоисторический фильм, а уникальная возможность прикоснуться к истории далекой страны, понять, чем и как жила в ней художественная мысль.

Обично к нашим картинам заметного интереса на Западе нет. О причинах мы постоянно говорим и более всего склонны обвинять зловредных тамошних публик и самому певедовому кино с его самыми передовыми идеями. Эта версия: привлекательна своей простотой и близостью, но она не объясняет, отчего когда-то Льюис Фэйхтвангер живописал оглушительный успех «Броненосца «Потемкин» на равнодушных и передовидных идеях берлинских уликах. И отчего укоренился в мировом кино термин «русский монтаж». И почему итальянские неореалисты утверждали, что выше из фильмов Марка Донского...

Все это, увы, дела давних минувших дней. Из сегодняшних фильмов не выходят гении даже у нас, а для западного массового зрителя наше кино как бы не существует. Более того, «Москва слезам не верит» смыкается в мире из американского киномира про Золушку: заграничному обывателю было интересно и приятно узнать, что в московской электричке тоже можно встретить принцесс. Говорю без юмора, такое ущербное кино необходимо.

Что же мешает нашему кино победно завоевывать западный кинорынок? Его художественное качество? Как будто бы нет, даже наоборот.

Советское кино адресуется сердцам и умам людей (Клер Кастом, прокатчики из Монреала).

— Критики, мои друзья, посмотревшие всю советскую программу, говорят о высочайшем качестве фильмов (Пирс Хэмдинг, директор программы Фестиваля фестивалей в Торонто).

— У вас очень много ярких режиссеров и актеров индивидуальности (Санди Роббинс, кинокритик, Лос-Анджелес).

Тогда отчего же не идет публика, отчего не спешат западные прокатчики покупать наши картины? Вот вопрос, который я задавал в Канаде многим, кто так или иначе связан с распространением фильмов и знанием о них. Задавал в Монреале и Торонто, в Квебеке и Нигаре-Фоллс. Пусть простят меня собеседники, если я сейчас сведу их вместе и сделаю беседу общей. Ведь она и была общей.

За воображаемым «круглым столом» «Советской культуры», временно переместившимся на североамериканский континент, профессор Кембриджского университета в США Вида Джонсон, кинопредприниматель из Монреала Клер Кастом, профессор университета в канадском городе Гамильтон Гремис Петри, руководитель прокатного отделения Британского киноконцерна в Торонто, Никита Лар.

Петри: Проблема не только с фильмами из СССР. За исключением итальянских и шведских картин иностранные фильмы здесь вообще не пользуются вниманием зрителей. Здесь очень специфический рынок. Проблемы политических или культурных «какие» интересуют немогих. Большинство хочет развлекаться.

Джонсон: Американская молодежь видела больше фильмов, чем прочитала книг. Молодые люди, иностранные, опытные зрители. Но они не имеют понятия об истории, например. Из СССР приходит фильм «Иди и смотри», и они не идут и не смотрят, потому что война от них бесконечно далека. Вот фильмы о моложе-джен интересны. Они с вниманием смотрели

«Частную жизнь» Райзмана, потому что их волнует проблема отцов и детей. Они откликались на «Чучело», даже защищали от меня этот фильм. Но для погружения в крупные социальные и политические вопросы у них мало знаний, порой картина им просто непонятна.

Кристо: Это всегда важно для зрителей — соприкасается ли фильм с их личным опытом. Воздействие комедии, например, зависит от этого целиком: чтобы смешить, комедийная ситуация должна быть узнаваемой. Наши контакты с СССР только начинают всерьез развиваться, так что социальная реальность вашей страны здесь еще почти не знакома. Поэтому большинство наших фильмов приходит сюда как бы с другой планеты.

Возьмите фильм «Мой друг Иван Лашин». Я его считаю одним из лучших. Но сама ситуация в нем не понятна западному зрителю: публика, которая привыкла к определенным функциям полицейского, путает милицию с ЧК и так далее. Точно же не понятны большинству спор героя в фильме «Остановился поезд»: призывают к более ясному выражению позиций и симпатий авторов, для массового зрителя фильм черезсурд пантомимичен. Здесь никогда, боясь, не смогут понять Шукшина. Советские зрители читали его книги, им близки его идеи, но в западной аудитории наяву совершенно иные: на экранах практически нет фильмов о крестьянах, о жизни в Сибири здесь самые смутные представления. К тому же Шукшин великолепный писатель, но чисто кинематографически его фильмы довольно прimitивны. Герои неизвестны и кажутся здесь малозначимыми.

Корреспондент «СК»: Во всем этом есть нечто непонятное теперь уже для меня. Не знают — там почему же не хотят узнать? Понять непохожесть другого народа? Ведь мы же не стандарты интересы друг другу, а именно тем, что разные. Наконец разве не способно доставлять удовольствие художественное качество фильма само по себе — силой таланта авторов, их самобытности?

Лар: Конечно, талант всегда притягителен. Например, фильмы Сокурова — это какой-то новый голос, и хочется его слушать и понимать. Может и не нравиться, а любопытно. Но дело в том, что большинство советских фильмов, мне кажется, ведут какой-то скрытый, полуязычный разговор. Это, наверное, обусловлено историческими русской культурой с радищевскими временем были вынуждены прибегать к иносказанию, к метафоре, ибо не могла выразить мысли в прямую. Это ушло вошло в природу, в художественную традицию. Но, чтобы понимать такой разговор, надо знать весь контекст, в его основе не имеем, и покажу, никогда не будем иметь. Эта ретроспектива в Торонто особенно важна потому, что показано столько советских фильмов сразу, и мы могли хотя бы время от времени вспоминать в этот скрытый разговор. Но все равно он велся без нас и не на нас рассчитан.

Конечно, есть таланты, которые как бы вне этого скрытого разговора. Когда я смотрел грузинские фильмы, я думал об их общечеловеческой природе. В особенности такого, как «Пастораль» Носелани, — жаль, что здесь о нем никто не знает. Такое же впечатление встречи с выдающимися талантами было у меня, когда шел фильм Шедильто «Родина электричества». В нем очень смелое и принципиальное новое видение материала.

А вот «Восходящие», мне показалось, опять-таки включилось в этот полускрытый разговор об ведущих мифах нашего общества. Фильм вводит в миф канон-то-свои поправки, и это, несомненно, важно и интересно для советской общественности. Но не для нас.

Корр.: Вы считаете, что специфичность советского общества является главным барьером для восприятия нашего кино здесь?

Лар: Специфика вашей общества, ваших ведущих мифов и этот скрытый разговор ваших художников, который ведется еще с царских времен.

Корр.: То есть в любом случае этот разговор полунамеками, полутонаами, разговор

принципу «умный поймет» чрезмерно сложен для западного зрителя?

Лар: Крайне неправичен. Мы не поймем подтекста, потому что никогда не сущности не нуждались в подтекстах. Мы увидим лишь то, что на поверхности, а это не кажется ни глубоким, ни достаточно интересным.

Корр.: Вы упомянули о Сокурове как об исключении. Считаете, что его фильмы были бы интересны для западной аудитории в целом?

Лар: Конечно, нет. Это не для массового зрителя. Но в больших городах есть довольно осведомленная публика, она ценит.

Джонсон: Я видела последнюю фильм Сокурова «Дни затмения». Очень длинный, медленный и эта подробность, эта медлительность сами по себе интересны для профессионального зрителя. Но для американской публики это безнадежно.

Корр.: Наверное, не более, чем для советской. Причастие широкой публики, судя по всему, везде одинаково — ведь и у нас предпочтитают американские коммерческие фильмы многим другим. Если судить по кассе.

Джонсон: Я не уверена, что советский фильм с его серьезными художественными притязаниями сможет достичь коммерческого успеха в Америке. Здесь призывают искать легкого развлечения.

Петри: Из всех советских картин здесь самый большой успех был у фильмов «Баллада о солдате», «Летят журавли» и «Москва слезам не верит». Ни видели все, кто вообще слышал о советском кино. Причина, естественно, разные. В первых двух случаях привлекала необычность романтической, лирической линии. «Москва слезам не верит» несопоставима никаке по художественному уровню, но это чисто гоголевидный стиль: все социальные вопросы дадены фоном, поверхностью, и когда смотрят, не надо думать. Это хорошо для массового зрителя, но, полагаю, не так уж хорошо для советской кинокультуры. Ведь если вы хотите дать преимущества коммерческому кино, это неминимо приведет к снижению общего художественного качества кинематографа. Самые лучшие традиции вашего кино не с этой струей связаны...

Корр.: Я заговорила об этом потому, что у нас все громче слышатся требования дать фору коммерческому кино. И у меня самые серьезные опасения, что на этом пути мы легко расстремим собственную самобытность и традиции.

Петри: Восточноевропейское кино вообще становится более коммерческим, развлекательным, сексуальным.

Джонсон: «Секс» на всех языках «секс», но он, кажется, раньше не существовал в советском кино. Судя по «Маленькой Вере», надо ждать теперь его привнесения?

Корр.: Если так, то ненадолго. У вас ведь сенсация уже отгремела. А что, «Москва слезам не верит» и в студенческой среде пользуется успехом?

Джонсон: У меня было несколько студентов, пришедших из школы искусств, — и мы фильм не правили. Но другие ребята оценили его довольно высоко. Им также нравится «Сибирячка». Тарковского, за исключением немногих спортивных понятий и оценки. Я обычно показываю им «Иваново детство» и «Зеркало» как пример багроватства русской культуры. Тарковский задает множество вопросов, очень важных для русской истории, но студентам в массе это безразлично. Очень нравятся «Рад любви», «Чучело»...

Лар: У нас с успехом шли «Белорусский вокзал», «Обломов».

Корр.: И все же не понимаю: неужели обязательно ищут в кино что-то знакомое? Разве искусство не один из способов удовлетворить свою любознательность?

Джонсон: Этому надо учить.

Петри: Американское кино приучило видеть прежде всего фабулью, характеры, действие. Вы смотрели «Рэмбо»? Очень типичный образец: десерье человек убиты за пять минут. Чем больше, тем лучше. Меня мутят от таких вещей, но

Корр.: Вы считаете, что специфичность советского общества является главным барьером для восприятия нашего кино здесь?

Лар: Специфика вашей общества, ваших ведущих мифов и этот скрытый разговор ваших художников, который ведется еще с царских времен.

Корр.: То есть в любом случае этот разговор

лах и забывает вскоре после выпуска... Иногда зрители поглощены картиной, становятся как бы соучастниками происходящего на экране действия...

Тогда возникает тот матический контакт между зрителями и экраном, который, собственно, и дает жизнь произведению искусства».

Такой матический контакт произошел в 1938 году, когда зрители увидели фильм Е. Дзигана «Мы из Кронштадта». Он был снят по сценарию

Всеволода Вишневского.

Это революция запечатлена в ленте с силой, которая позволяет ей жить и жить, шагая через годы и границы.

Премьеры в Праге, Париже, Барселоне начали долгий путь фильма по экранам мира. «Мы из Кронштадта» потряса сердца миллионов зрителей так же, как эйзенштейновский «Броненосец «Потемкин», как пример багроватости русской культуры. Тарковский задает множество вопросов, очень важных для русской истории, но студентам в массе это безразлично. Очень нравятся «Рад любви», «Чучело»...

Ефим Львович Дзиган рано начал свою трудовую деятельность грузчиком. Совсем юным ушел добровольцем в Красную Армию. Вернувшись, окончил киноколледж В. Чайковского. Режиссерский дебют — «Первый корнет

они пользуются успехом. Кроме того, новые поколения воспитаны на ужасном телевидении.

Корр.: Я думаю, и эта проблема у нас общая. В СССР среди молодежи бытует глагол «блудить» — вы слышали это слово? Наслаждаться, и не о чём не думая, блудной жизнью. Поэтому они не хотят в кино думать, если говорят о среднем зрителе.

Джонсон: Так, значит, и им Тарковский не понравился?

Корр.: Тарковский имеет своих поклонников. Но у нас ведь и ситуация особая. Когда фильм испытывает трудности в самом выходе на экран, к нему сразу возникает интерес.

Джонсон: Совсем, и им Тарковский не понравился?

Корр.: Вы упомянули о Сокурове как об исключении.

Корр.: Вы упомянули о Сокурове как об исключении. Весьма интересен фильм Сокурова «Дни затмения». Очень длинный, медленный и эта подробность, эта медлительность сами по себе интересны для профессионального зрителя. Но для американской публики это безнадежно.

Корр.: Наверное, не более, чем для советской. Причастие широкой публики, судя по всему, везде одинаково — ведь и у нас предпочтитают американские коммерческие фильмы многим другим. Если судить по кассе.

Джонсон: Я не уверена, что советский фильм с его серьезными художественными притязаниями сможет достичь коммерческого успеха в Америке. Здесь призывают искать легкого развлечения.

Корр.: Что еще мешает советским фильмам на западных экранах?

Кристо: Ваши чиновники. Они слишком безынициативны и непрофессиональны. Вы практически не проводите таких ретроспектив, как эта, потому что они невероятно взыскательны к кинематографом и следят за ним постоянно — показывать Христа как человека, далекого от святости, и как он спит с Мариной Магдалиной, хочет иметь семью и так далее. Здесь такая пропаганда против фильма разгорелась, что все сразу пошли в кино. Кстати, многие разочарованы: это интересный фильм, но вовсе не для той публики, которая ищет сенсации.

Корр.: Да, я остро почувствовала это здесь. Когда начинаются ваши картины — опущение, что попадаешь на полвека назад, в мир немо- или черно-белого кино. Обычная семейная драма американского или норвежского, а теперь и болгарского производства завораживает звуковым богатством и выразительностью, а наша «Ассас», музыкальная картина, предполагает для «Очи черные» Михалкова в оригинале, в системе «Долби-стерео», в первом доме, в общем кинотеатре, — это совершенно разные картины.

Кристо: Я не думаю, что при истинно творческом подходе существуют противоречия между серьезностью задач и коммерческим эффектом.

Корр.: Кино должно быть разным — это ясно. Я занималась кинематографом Вентри — там именем зрителя часто обращаются в социальные проблемы общества, но одновременно разрабатывают комедии, развлекают и комедии, и детективы, разрабатывают жанровый кинематограф. Причем стараются не снижать художественного качества.

Джонсон: Вот языковой барьер — это серьезно. Дублия всегда несовершенны, субтитры отвлекают от действия. К тому же субтитры в тех советских картинах, которые появляются на фестивалях или приходят к нам, сделаны людьми, плохо знающими английский язык. Трагично получается смешанные, все сводятся к банальности, общим местам, уходят вся тонкость, юмор, индивидуальные оттенки речи. Я не знаю, где у вас делают эти субтитры, но пытаюсь с ними завоевать иностранный рынок — безнадежное дело. Тут должны работать самые лучшие переводчики, знающие все тонкости английского языка. Я занимаюсь кинематографом Вентри — там именем зрителя часто обращаются в социальные проблемы общества, но одновременно разрабатывают комедии, детективы, разрабатывают жанровый кинематограф. Причем стараются не снижать художественного качества.

Корр.: Отсутствие информации и ретроспектив порождает еще одну проблему, на мой взгляд, наименее важную. Имена ваших режиссеров и актеров ничего не говорят даже многим моим коллегам, не говоря о массовом зрителе. А для публики очень важно узнавать любимых «звезд». Здесь, в Торонто, есть очень высокий класс фильмов «Пять вечеров» в «Двадцати дней без войны» с участием вашей «звезды» Людмилы Гурченко. Актриса прев

